

ЮБИЛЕЙ: К 70-ЛЕТИЮ БОРИСА ИСАЕВИЧА ПРУЖИНИНА

БОРИСУ ИСАЕВИЧУ ПРУЖИНИНУ – 70 ЛЕТ

1 декабря 2014 г. исполнилось 70 лет со дня рождения отечественного философа, доктора философских наук, профессора Бориса Исаевича Пружинина. Борис Исаевич является крупнейшим ученым в области философии науки, эпистемологии и методологии естественнонаучного и гуманитарного познания. Кроме того, Б.И. Пружинин осуществляет огромнейшую организаторскую работу – является главным редактором главного и старейшего философского журнала России – «Вопросы философии». Юбиляр продолжает успешно трудиться и на университетской ниве, являясь профессором и консультантом многих ведущих университетов.

Редакция журнала «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» с особым удовольствием и восторгом

поздравляет члена редколлегии журнала и ведущего российского философа с замечательным юбилеем, желает дальнейших творческих успехов и с нетерпением ждет последующих книг и статей Б.И. Пружинина, которые всегда находили позитивный отклик в отечественном философском поле.

В этом номере мы публикуем статью И.И. Мюрберг, посвященную оценке творчества Б.И. Пружинина, а также отрывки из книги «Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина», вышедшей в свет в этом году.

*Редакция журнала
«Гуманитарные исследования
в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке»*

Б.И. Пружинин

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

«КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

К 70-ЛЕТИЮ БОРИСА ИСАЕВИЧА ПРУЖИНИНА» (М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2014)

Историзм устной истории

Устная история вплетена в жизнь и наполняет ее смыслом на самом главном, на собственно историческом уровне, на уровне индивидуальных воспоминаний. Все прочие истории, все эти политические, экономические, военные и т.д. истории надстраиваются над этим фундаментальным уровнем и лишь в силу этого приобретают историзм и возвращаются в историческое сознание отдельного человека, корректируя это сознание или корректируясь им. Ибо именно на уровне индивидуального жизненного опыта формируется смысл жизни человеческой, и лишь потом этот смысл переносится на все остальные контексты человеческого бытия. Если жизнь отдельных людей теряет смысл, бессмысленными становятся государственные установления и политические системы, войны и реформы, т.е. все то, что от века составляет контекст человеческого бытия, но повторю, приобретает смысл только от человека. Зато все эти установления, в свою очередь, способны очень даже эффективно обесмысливать жизнь человека. Однако я – о другом.

Интерес к устной истории, к воспоминаниям окружающих людей появился у меня, когда в сферу моих профессиональных интересов попала история русской философии. Сначала этот интерес был довольно абстрактным. Признаюсь в своей некомпетентности: я был просто поражен, уяснив, что именно исследования историков были самой продвинутой областью гуманитарной науки в России, и именно философия истории была целостной областью русской философии. Пожалуй, только применительно к философии истории мы и можем говорить о контурах складывающейся русской философской школы. При этом я для себя обнаружил, что в русской философии сложилось понимание истории как процесса, который не исчерпывается полностью направленностью к конечной цели (наподобие гегелевского историзма). Наличие такой цели не оспаривалось, телеологические идеи отнюдь не отрицались в размышлениях русских мыслителей, но акцент

смещался. В центре оказывалось представление об истории как процессе, протекающем в человеке, а не вне его, – процессе, обретающем смысл в сознании и историческую конкретность реального исторического действия в поступках. История здесь предстает как процесс принципиально незавершенный, причем не в том смысле, что он не достиг еще конечной цели, но прежде всего в том, что он открыт действию, открыт осмысленному поступку и его неожиданным последствиям, открыт всему событийному и конкретному. За опытом экзистенциально нагруженного осмысления человеком истории, за ощущением так понятого историзма и обращается, по мнению русских мыслителей, наука история к опыту прошлого – к реальности событий и реальности их переживания человеком (переживания не только в психологическом смысле, но и в смысле экзистенциальном). Этим русский историзм отличается от историзма его «немецких учителей». Лежащие в его основании идеи не успели в свое время приобрести четкое концептуальное выражение, но они достаточно явно обнаруживают себя в эпистемологической стилистике, в способах обсуждения проблем и в понимании исследовательских перспектив. Совокупность этих идей я обозначаю как культурно-историческую эпистемологию, представляющую в качестве исходной формы философско-исторического материала «беседу», «разговор», в котором воспоминание раскрывает экзистенциальные истоки смысла человеческой жизни и смысла событий.

Форма эта восходит к работам Вл. Соловьеву. И позднее никогда она не уходила из отечественной философии. Степун как-то заметил: «русская философия – бесконечная череда разговоров, причем разговоров на одну и ту же тему» – о смысле жизни, о ее исторической наполненности. Надо сказать, этот интерес к беседам и воспоминаниям оживился у нас вопреки всему во второй половине XX столетия. Разговор вообще – это, наверное, специфическая черта стилистики русской философии. Беседовали В. Дубакин с М. Бахтиным, раз-